

Н. Н. ФЕДОТОВА,
Л. Н. ФЕДОТОВ

**Мультикультурализм,
политика
идентичности
и социальный
капитал***

Трансформационные процессы поставили нашу страну перед ситуацией, которая обозначается как кризис идентичности. Этот процесс касается сегодня многих, даже большинства стран в связи с тем, что во всем мире происходят быстрые изменения, нарушающие прежнюю устойчивость, сложившиеся формы жизни и социальные связи. Попытка идеологически выйти из нее является малоуспешной. Ключ к идентичности — в налаживании общественного воспроизводства, социальных связей, доверия в обществе, ответственности, что в совокупности характеризуется понятием «социальный капитал». Проблема социального воспроизводства решается авторами на уровне страны в целом и регионального социума, примером которого является Пензенская область. Теоретические решения ориентированы в предполагаемом исследовании на практические перемены.

*МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ
И ИДЕНТИЧНОСТЬ*

В настоящее время зафиксирован кризис идентичности в России и в большинстве стран мира из-за повсюду происходящих социальных перемен, имеющих глобальный характер. Чаще всего проблема идентичности связывается с мультикультурализмом или политикой мультикультурализма. Многие исследователи считают, что кризис идентичности или ее потеря — закономерные следствия быстрых изменений, и потому следует принять ситуацию такой, какой она предстает. Другие же, напротив, полагают, что сам вопрос об идентичности реа-

гирует на ее кризис и является попыткой выхода из него. Идентичность это самоощущенность или,

как говорит С. Хантингтон, «смысл себя». Без самосознания, понимания «смысла себя» невозможно существовать. Этот смысл может стать плюралистическим, но его не может не быть в течение продолжительного времени.

Авторы данной статьи обращаются к новой проблеме — формированию идентичности и преодолению ее кризиса под влиянием ряда факторов — экономических, политических, социальных, обобщенно представленных в понятии «социальный капитал».

Идентичность в обществе поддерживается нарабатанным социальным капиталом — взаимосвязями, способствующими сохранению механизма социального воспроизводства, доверием, конвертируемостью социального капитала в экономический и внеэкономический капиталы. Конвертируемость означает, что общество или человек, обладающие социальным капиталом, легче достигают экономических успехов (капитала) и других видов внеэкономического капитала. К последним относятся человеческий, культурный, символический, творческий, интеллектуальный капиталы. Формирование социального и человеческого капитала не было предметом систематического исследования в отечественной литературе, тем более, в связи с его воздействием на идентичность. Сложность задачи состоит в том, что разрушенная идентичность не способствует формированию социального капитала, а отсутствующий социальный капитал не позволяет утвердиться идентичности.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Социальный капитал и проблема идентичности», поддержанного грантом РГНФ07-03-00164а.

Сегодня чрезвычайно важно осознание значимости человека не только как ресурса экономической системы, а его способности самому быть капиталом общества, а также значимость в качестве капитала развитого человеческого взаимодействия в обществе, воспроизводства социальных связей, эффективности их использования, ответственности и доверия между людьми, формируемой этими процессами идентичности. Преодоление кризиса идентичности посредством развития социального капитала, равно как взаимообусловленность социального капитала и идентичности являются ответом на глобальный и региональный вызовы идентичности и устойчивости обществ.

Имеются обширные и разносторонние исследования отечественных ученых по проблемам социального капитала и идентичности, взятых в отдельности, не связывающие между собой эти явления и понятия. В России проблемой социального капитала занимаются В. Радаев, социологи ИС РАН, философы уделяют ей незначительное внимание. Можно упомянуть В. Веряскину, но ее интерес касается преимущественно человеческого и культурного капитала.

Проблема социального капитала разрабатывается преимущественно на Западе, такими учеными, как Р. Патнем, Дж. Коулман, Дж. Филд,

Ф. Факуяма, В. Лин. В западной философской литературе уделено значительно большее место роли социального капитала, существуют конкурирующие и взаимодополняющие концепции, разработаны ценностные основания их анализа. Наибольший интерес в плане нашей задачи представляют экзистенциалистские, герменевтические и антропологические концепции, которые ставят вопрос о человеке и обществе. В частности, в них решается вопрос о роли идентичности, целостности, которую человек легче сохраняет в условиях перемен. В работах Э. Гидденса, Ф. Фукуямы проблема социального и человеческого капитала связывается с образовательным процессом. Доверие, ответственность, честность в масштабах общест-

ва, взаимодействие людей не в корпоративных целях, а в целях всего общества трактуются как социальный капитал. Корпоративные связи, доверие и взаимодействие оцениваются как социальный капитал, если они не противоречат интересам общества. Без этого «рамочного», ценностно связанного с обществом в целом, понимания, преступная банда может показаться носителем наивысшего уровня развитости социального капитала, ибо такие выше названные его характеристики как тесная взаимосвязь, воспроизводство связей, их эффективность, доверие между членами группы в ней достаточно представлены. Но ее антиобщественные цели сразу лишают упомянутые черты статуса социального капитала.

К проблеме идентичности обращаются

З. Бауман, И. Гидденс,

Ш. Бенхабиб, В. Малахов и другие исследователи, в том числе и те, кто анализирует проблему мультикультурализма.

Кризис доверия присущ сегодня многим странам. По мнению Ф. Фукуямы: «Во многом США становятся теперь той страной индивидуализма, каковой американцы ее всегда и считали: либеральный режим первенства прав личности в своем расширении и умножении самого числа таких прав двигается к своему логическому пределу, и в Америке практически не осталось ни одного общества, чей авторитет не был бы поставлен этим расширением под вопрос. Падение уровня доверия и степени социализированности в США прослеживается почти в любом изменении, произошедшем со страной за последнее время: в росте численности насильственных преступлений и гражданских тяжб, в разрушении традиционной структуры семьи, в упадке множества сообществ «среднего звена» (местных, церковных, профессиональных, клубных, благотворительных) и наконец в широко распространенном среди американцев ощущении, что никакой духовный интерес больше не связывает их между собой»¹.

Прежде в Америке была политика плавиливого тигля, формировавшая граждан-

скую нацию — американцев, независимо от этничности или конфессиональности составляющих ее групп. Б. Клинтон в погоне за голосами меньшинств сменил политику плавильного тигля на политику мультикультурализма. Мультикультурализм всегда существовал в США, но не был политикой. Политика состояла в объединении многочисленных групп разного этноса, конфессий и рас, мужчин и женщин на основе гражданства, проживания в США и их чувства принадлежности к стране. Политика мультикультурализма подчеркивала их особенности, уникальность, была более дифференцирующей и выступала как символический и отчасти капитал каждого этноса, вытесняющий все другие виды капитала. Мультикультурализм стал любованием своеобразием этнических и расовых групп, которое закрывало глаза на их невключенность в общественный договор в США, бедность, производство криминальных сред, необразованность, неэффективность и пр.

Мультикультурализм даже как существующее культурное разнообразие представлял для США проблему, ибо даже при политике плавильного тигля он снижал уровень доверия между социальными группами и возможности их эффективного взаимодействия. Но при политике мультикультурализма культурное многообразие, которое могло принести культурные достижения, экономическую выгоду, политический успех, выйдя за определенные рамки ... «становится новым барьером на пути коммуникации и сотрудничества, потенциальной экономической и политической угрозой»².

Как показали Ф. Фукуяма и С. Хантингтон, утверждение, что в США всегда имелось чрезвычайно разнородное общество, единое лишь по отношению к Конституции и законодательству, ошибочно. В США всегда существовала не только универсалистская политико-правовая система, но и ведущая культурная традиция, воплотившаяся в общественных институтах и экономическом процветании. Изначально принадлежавшая

расовой и религиозно-этнической группе белых, англосаксов, протестантов, эта культура стала источником модернизации других групп, способствуя формированию идентичности всех американцев. Это был новый мировой опыт, отличавший американскую культуру от европейских культур, большей частью сохранявших свою этническую окраску. Религиозная жизнь протестантских сект стала основой американской культуры; «послужив школой социальной самоорганизации сформировала того рода общественный капитал, который далее реализовывался во множестве внерелигиозных ситуаций... искусство ассоциации превратилось из специфически протестантской черты в общенациональную»³.

Политика плавильного тигля обеспечивала разнообразие и интерес к специфичности культуры разных этноконфессиональных и расовых групп, находя для них интеграл общих ценностей и устремлений, признания английского языка в качестве языка межнационального и межэтнического общения всей Америки. Такая форма социализации преодолевала барьеры между разными расами, национальностями, языками и т. п. Это был пример страны, которая при всем многообразии была сообществом, в котором специфика социальных и этнических групп уравнивалась единым языком, образованием и идентичностью по гражданству.

Америка — страна минимального государства, которое воспринимается как «ночной сторож». Но другие формы социальных организаций и их авторитет чрезвычайно развиты на уровне гражданского общества. Семья, церковная община, соседство, коллектив работающих вместе людей, профсоюз, добровольные организации и общества прочно соединяют американцев на уровне сообществ. Здесь идентичности более прочны и не вполне совпадают с «чертежом» мультикультурного разделения Америки. Здесь могут складываться сообщества, более склонные к единству, чем на уровне отдельных взятых этносов.

ДОВЕРИЕ КАК ЧЕРТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПРИЗНАК ИДЕНТИЧНОСТИ

Главная проблема идентичности и социального капитала — отсутствие их противостояния обществу, в целом, не исключает того, что в имеющихся ассоциациях могут складываться идентичности и формы социальных связей, нужные обществу. Одной из таких форм является доверие, выступающее важной чертой социального капитала.

По мнению Фукуямы, общества с высоким уровнем доверия и социального капитала, такие, как, например, Япония и Германия, создают крупные производства без поддержки государства. Там же, где социальный капитал развит слабо, государство замещает его роль, направляя усилия на увеличения человеческого капитала путем строительства школ и университетов⁴.

Находясь в указанных сообществах, человек менее склонен быть «экономическим человеком», устремленным к максимизации выгод. Он стремится проявить себя как член социальной группы, к которой он испытывает доверие. Доверие выступает лишь как часть достоинств небольшого сообщества, которое в целом «прозрачно» друг для друга в моральном отношении, делает моральные принципы более важными, чем в «большом обществе». Именно поэтому некоторые теоретики, например, А. Этциони, связывают возрождение морали общества с моральными основами в сообществах и видят в коммунитаризме важное основание морали общества в целом. Другие, главным образом, либералы, в противоположность коммунитаристам, считают, что социальное и моральное складываются при рациональном стремлении к максимизации выгоды при совместном труде и господстве индивидуалистических устремлений.

Фукуяма определяет доверие следующим образом: «Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»⁵. Социальный капи-

тал — это тот потенциал общества или его части, который невозможен без доверия между его членами. Он может быть достигнут в семье, в нации и в других человеческих сообществах и ассоциациях. Социальный капитал как воспроизводящиеся связи между людьми основан на объединяющих их традициях и обычаях. Доверие возможно, если обществу присущи моральные ценности, разделяемые всеми, и его члены могут быть уверены в том, что и в своем поведении они могут быть сходными. «Не принижая роли договора и эгоистического интереса как основ ассоциации, — отмечает Фукуяма, — надо сказать, что наиболее действенные организации имеют под собой другую основу: коллектив, объединенный общими этическими ценностями. Членам таких коллективов не требуется подробная контрактно-правовая регламентация их отношений, потому что существующий между ними моральный консенсус является базисом их взаимного доверия. Социальный капитал, требующийся для создания такой моральной общности, в отличие от других форм человеческого капитала, невозможно получить как отдачу от того или иного рационального вложения. «Вложиться» в то, что обычно называют человеческим капиталом — в высшее образование, в получение профессии... — достаточно просто, человек лишь должен пойти учиться в соответствующее учебное заведение. Напротив, приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения его в рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность. Более того, прежде чем доверие сможет стать *обезличенной* (курсив наш. — Авт.) характеристикой группы в целом, она должна иметь некоторые нормы, общие для всех ее членов. ...социальный капитал не может стать результатом отдельного человека, он вырастет из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными. Склонность к социализированности усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, но, поскольку, в ее основе лежит

этический навык, она также труднее поддается изменению или уничтожению»⁶.

Эта «константность» социального капитала и идентичности — лишь та точка, вокруг которой формируются дальнейшие инновации.

Фукуяма подчеркивает экономическую, прагматическую ценность доверия, когда доверие позволяет работать не принудительным механизмам социального контроля, а гражданскому обществу. Доверяя друг другу, люди преодолевают многие трудности, экономят свои усилия, терпят меньше издержек экономического и морального характера.

Отсутствие объединений, заполняющих нишу между семьей и государством, свидетельствует о слабости гражданского общества. Слабость чувства ответственности и обязательств по отношению к другим, общее недоверие к посторонним влечет за собой неустойчивость любых отношений между людьми, которые не состоят в родстве между собой, не образуют кланов. Поэтому доверие является основой социального капитала только тогда, когда оно лишено родственной или клановой ограниченности, бандитской «повязанности», а предполагает многообразие форм социализации, ориентировано на доверие между всеми людьми. Социальный капитал может, таким образом, приватизироваться, как любой другой капитал, но это — совсем не то, в чем заинтересовано общество.

Так, в США, Японии и Германии высокая степень доверия, не зависящая от родственного статуса, сформировала фундамент социального капитала.

«В терминах социального капитала я мыслю будущее социальной жизни — сети, нормы и доверие, дающие возможность участникам совместно действовать более эффективно для достижения целей долевого участия», — писал социолог Р. Патнэм⁷. Изучая региональное управление в Италии, он пришел к выводу, что северная Италия развита лучше, чем южная потому, что в ней больше социального капитала. Социальный

капитал достигается долгими социальными связями, в которых люди помогают друг другу, основываясь на взаимном доверии и нормах взаимодействия. Патнэм считает, что социальный капитал возникает в сообществах с сильными моральными ресурсами. Социальные связи — нормы взаимодействия — доверие — социальные связи — такая модель социальных отношений, по Патнэму, делает возможным цивилизованное сообщество. Он считал, что добровольные организации в демократическом обществе показывают степень участия социального капитала в социуме. Эти ассоциации способствуют и усиливают роль коллективных норм и доверия, которые являются основой поддержки хорошо слаженных коллективов. Использование социального капитала означает общие обязательства, помогающие осуществлению совместных целей.

Социальный капитал не является единственным видом внеэкономического капитала. Он дополняется другими. Так, человеческий капитал связан с индивидуальностью. Человеческий капитал включает как количественный размер труда, используемого в производстве, и объем знаний, так и умения, которыми обладают трудовые ресурсы. Под человеческим капиталом понимается воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, имеющих не только экономическую ценность. Они составляют капитал, так как могут служить источником будущих доходов и выгод (как материальных, так и психологических). Но это капитал особого рода, так как он воплощается в личности своего носителя.

Социальный капитал понимается как включенность в систему отношений, обеспечивающих доступ к ресурсам других акторов (или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью).

Итак, проблема идентичности возникла в условиях политики мультикультурализма в США, быстрых изменениях в России и мире. Она усугубилась распадом социальных связей, доверия между людьми, социального капитала в целом, то есть всей системы об-

щественного воспроизводства. Утверждая, что социальный капитал включает ценности, пригодные для общества в целом, доверие, мы проследили его развитие в социальных группах, разделив те формы проявления социальных связей, которые общественно полезны и те, которые клановы, корпоративны и представляют собой в лучшем случае форму приватизации социального капитала. Условием формирования социального капитала и идентичности всего общества является интеграция социального капитала слоев и групп гражданского общества, ориентированных на ценности общества в целом.

¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 27.

² Там же. С. 436.

³ Там же. С. 477. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 53–54.

⁷ Putnam R. D. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. N. Y., L., Toronto, Sydney, 2000; Putnam R. D. Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Ed. by R. D. Putnam. Oxford, UK. 2002. P. 32.